

Проблема возвращения категории «души» в научную психологию

Б.С. Братусь МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Поступила 14 ноября 2014/ Принята к публикации: 20 ноября 2014

The problem of restoring the category of "soul" in academic psychology

B.S. Bratus Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: November 14, 2014 / Accepted for publication: November 20, 2014

Употребление понятия души является, вот уже более ста лет запретным для научно-психологической литературы. Его давно заменили (вытеснили) понятия «психики», «сознания», «самооценки» и т.п. В статье поставлен вопрос о необходимости нового рассмотрения души, как фундаментального основания психической деятельности человека. Показана многомерность понятия души, прямая отнесенность к нему целого ряда традиционных разделов теоретической и прикладной психологии, таких как изучение мышления, памяти, восприятия, ощущений, эмоций и др. Обнаружено, что среди принятых значений понятия души (в статье их перечислено более десяти), только одно заведомо выпадает из требований научно-психологического рассмотрения, а именно понимание души как «духовной части существа человеческого». Делается принципиальный вывод, что душа как таковая никогда не уходила полностью из рассмотрения научной психологии, но, напротив, в большинстве своих проявлений оставалась в центре внимания ученых. Для того, чтобы развести компетенции психологии и теологии, предлагается разделение на «внутреннюю» и «внешнюю» стороны душевных проявлений. При таком делении внешняя сторона, целиком обращенная к материальному миру, практически, прямо и целиком отвечает требованиям, предъявляемым к предмету науки, тогда как сторона «внутренняя» связана с психологией лишь опосредствованно через соотнесение с той реальностью, которую принято обозначать как духовность, что помимо теологических интерпретаций может быть понята нравственно-философски как ценностно-смысловая сфера и уровень придельных умопостигаемых оснований бытия человека. Такой подход позволил подойти к рассмотрению проблемы соотношения «духовного» и «личностного», установлены взаимоотношения психологии личности с обеими (религиозным и секулярным) подходами. Показано, что без учета методологического соотнесения с этими подходами личность как психологическая категория редуцируется до индивидуальных различий характера и мотивационно-волевых показателей.

Ключевые слова: личность, психика, душа, дух, методология науки, философия психологии, теология.

The soul concept has been forbidden to use in the academic psychological literature for over a hundred years. It was replaced (suppressed) by the concept of "psyche", "consciousness", "self-esteem", etc. The paper raises the issue of the need to reconsider the concept of human soul as the fundamental basis of human mental activity. We emphasize the multidimensional concept of soul, a number of traditional fields of theoretical and applied psychology the directly being attributed to it, for example, the study of thinking, memory, perception, sensations, emotions, etc. We discovered that among the accepted meanings of the soul (more than ten listed in the paper) only one is known to fall out of the academic and psychological requirements, namely understanding the soul in terms of "spiritual part of human beings". The fundamental conclusion consists in the fact that the soul properly never escaped the issues of academic psychology. On the contrary, it has been in the focus of scholars. In order to differentiate between the competence of psychology and theology we propose a distinction between "inner" and "outer" psychic manifestations. Within such a divide, the "outer" side will face the entire material world almost directly and entirely meet the requirements of the subject matter of science, whereas the "inner" side is connected with psychology through the reality, habitually referred to as spirituality, which in addition to theological interpretations can be deemed in terms of moral and philosophical value sphere and intelligible reason of human existence.

This approach allowed us to consider the issue of "spiritual" and "personal" relations, to establish relationships between personality psychology and the religious and secular approaches. It is shown that without taking into account the methodological correlation with these approaches the psychological category is reduced to simply identifying personal individual features, and motivational and volitional performance.

Keywords: personality, psyche, soul, spirit, methodology of science, philosophy, psychology, theology.

Предположим статью давнее воспоминание об одной из встреч с Петром Яковлевичем Гальпериним, которого даже его ровесники крупнейшие ученые (А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин и др.) – называли мудрым, последней инстанцией в оценке научных движений (прозвище – «ребё» (Зинченко, 2011). Для нас – тогда еще младшего поколения – он был завораживающим собеседником, учителем, лектором. Например, на его курс по психологии, читавшийся на философском факультете МГУ сотрудники, преподаватели, студенты, аспиранты продолжали

Профессиональные психологи уже вполне смирились, прочно вытеснили, забыли исходное назначение своей науки, люди со стороны (как раньше говорили – «публика») по-прежнему обманываются словом и ждут от психологов откровений о душе человеческой. С этим ожиданием идут на психологические факультеты и многие абитуриенты. Им предстоит разочароваться, поскольку речь пойдет не о душе вообще, но о психике

ходить по несколько лет подряд, каждый раз находя в них что-то новое и важное для себя. На одной встрече (в которой учувствовал и автор) прозвучало в разговоре упоминание о душе. И Гальперин в ответ на типичное (а в советской стране обязательное) суждение о несовместимости «души» и «психологии» со свойственной ему мягкой твердостью заметил, что понятие души не чем заменить и оно, настанет время, вернется в психологию, но в каком-то ином, уже согласном с научным мировоззрением виде. Может быть, наконец, время это уже настало?

Напомним ставшее крылатым высказывание Германа Эббингауза: «Психология имеет давнее прошлое и короткую историю». Действительно, история психологии как науки весьма коротка,

ее условным временем рождения считается 1879 год, в котором была основана Вильгельмом Вундтом первая в мире Лаборатория экспериментальной психологии при Лейпцигском университете. Психология перестает быть только частью философии и житейских умозрений, она начинает исходить из научного мировоззрения и сознательно строить себя по образцу естественных наук. Неслучайно в числе первых научных психологов мы находим столько физиологов, врачей, психиатров, невропатологов. В заголовке известной статьи И.М. Сеченова прямо стоял во-

прос: «Кому и как разрабатывать психологию?». Ответ Сеченова был совершенно однозначным – только физиологу, естествоиспытателю и только объективными методами. Поэтому и психологические лаборатории того времени по своему виду и оборудованию часто не многим отличались от физиологических (кимографы, хроноскопы и т.п.). Недаром Первый всемирный конгресс психологов, созванный по инициативе русского ученого (врача Ю.А. Охоровича), был назван Конгрессом по физиологической психологии (Париж, 1899 г.). Эпитет «физиологическая» весьма точно отражал суть родившейся тогда научной психологии (Ждан, 2013).

Коллизия эта устраивала далеко не всех. Так, в 1916 году С.Л. Франк с горечью констатировал: «Мы не стоим перед фактом смены одних учений о душе другими (по содержанию и характеру), а перед фактом совершенного устранения учений о душе... Прекрасное обо-

значение «психология» – учение о душе было незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области» (Франк, 1985, С. 422-423).

Но, если в начале XX вв. потеря психологией души могла рождать споры, недоумения, сожаления, то ныне – столетия спустя – положение стало давно рутинным, привычным. Практически уже никого из психологов не задевает, не тревожит, что их наука, вопреки своему названию, вовсе не о душе человеческой. Хотя профессиональные психологи уже вполне смирились, прочно вытеснили, забыли исходное назначение своей науки, люди со стороны (как раньше говорили – «публика») по-прежнему обманываются словом и ждут от психологов откровений о душе человеческой. С этим ожиданием идут на психологические факультеты и многие абитуриенты. Им предстоит разочароваться, поскольку речь пойдет не о душе вообще, но о психике.

Чтобы уловить разницу, не нужно богословского или психологического образования. Интуитивно это понятно каждому. На одном из семинаров моя коллега, профессор Г.А. Цукерман наглядно показала это. Она предложила собравшейся аудитории заменить слово «душа» на слово «психика» в расхожих выражениях вроде: «я в нем души не чаю», «мы живем душа в душу», «у нас царит душевная атмосфера» и т.п. Реакцией зала было оживление и смех. Действительно, никто даже в порядке оговорки не скажет – «я в нем психики не чаю», «мы живем психика в психику», «у нас царит психическая атмосфера» и т.п.

Но является ли это свидетельством полного разведения, несовместимости, двух психологий – умозрительной и научной, психологии как «слова о душе» и психологии как «науки о психике»?

Вначале обратимся к самому понятию «души». Здесь нам придется, прежде всего, констатировать отсутствие однозначности. Например, в «Полном церковно-славянском словаре» приводится много толкований, определяющих «душу»:

- 1 «Начало жизни чувственной, общее человеку и бессловесному животному»;
- 2 «Самая жизнь, ... то, чем человек живет, пропитывается»;

- 3 «Сам человек»;
- 4 «Духовная часть существа человеческого, противопологаемая чувственной или телу»;
- 5 «Начало жизни, помышлений, ощущений и желаний собственно человеческих, которые берутся иногда отдельно от души и одни от других»;
- 6 «Начало мысленной и умственной жизни»;
- 7 «Желание, воля, дух, бодрость, самочувствие, образ мыслей, чувствований и самой жизни»;
- 8 «Наружный вид, внешнее состояние»;
- 9 «Тело, чрево, аппетит» (вспомним старое приглашение гостю к обильному застолью – отведай чего и сколько «душа пожелает»);
- 10 «Умершее или мертвое тело, труп» (вспомним «Мертвые души» Н.В. Гоголя);
- 11 «Сердце»;
- 12 «Существо живое, дышащее» и др. (Полный церковно-славянский словарь, 1993, С. 159)

Посмотрим на этот, пусть далеко не полный перечень бытовавших и бытующих значений и зададимся вопросом: что может стать здесь объектом науки (в частности научной психологии), а что требует иных, нежели научные, способов познания. На наш взгляд, единственным пунктом, на который опытная наука не вправе непосредственно и прямо претендовать является четвертый пункт – душа как «духовная часть существа человеческого», ибо здесь методы познания уже иного, не научно-психологического, порядка и уровня (философия, теология, культурология и др.). Однако все остальные пункты открыты психологическому исследованию, а некоторые прямо и непосредственно апеллируют к психологической науке. Это и изучение «начала жизни чувственной, общей человеку и бессловесному животному», и изучение «помышлений, ощущений и желаний собственно человеческих», которые – очень важное замечание – «берутся иногда отдельно от души и одни от других», то есть существуют и могут правомерно рассматриваться как относительно самостоятельные составляющие, процессы (объединенные в особый отдельный аппарат или об-

ласть). Именно этим и занималась классическая научная психология, именно эта область стала называться психикой в отличие от души, понимаемой, преимущественно, как духовное начало.

Иными словами, в дихотомии «тело – душа», психика как объект психологии занимает место между душой и телом, покрывая при этом и часть телесности (или, по точному выражению профессора В.И. Слободчикова, «область оплотнения психического» – психофизиологию!), и обширную часть области, традиционно относимую к душе (мысленность, память, восприятие, эмоции, чувства и др.) (Слободчиков, 2007).

Следует напомнить, что дихотомия «тело – душа», одно из наиболее принятых и давних, но не единственное деление человеческого состава. Не менее почтенна по возрасту, значима и распространена тримерия «тело – душа – дух». Эти подходы не противоречат друг другу: дух, как определяющее, подразумевается и в первом подходе, входя в состав души (вернее, в одну из многих ее

Можно констатировать, что «душа» обернулась для ученых «психикой», т.е. редуцированным (по отношению к «душе») пространством, из которого вычли метафизическое измерение и это, подчеркнем еще раз, было не злым умыслом или бессознательным порывом, но прямым условием (если хотите – платой) за вхождение в тогдашний круг естественных наук

ипостасей), и во втором, где он обозначен как особое пространство и уровень. «Относя слово это к человеку, – писал Владимир Даль, – иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру божества, ум и волю, или же стремление к небесному». (Даль, 1995, С. 503)

При последнем (тримерном) подходе психология может в своих исследованиях претендовать едва ли не на всю область душевного. Вообще, если термин «душа» лишь с достаточными оговорками и ограничениями, как мы видим, сопоставляется, соотносится с термином «психика», то между терминами «душевный» и «психический» такого расстояния и напряжения уже нет. Так, определения болезней как «психических» или «душевных» могут считаться синонимическими (правда, последнее несколько архаично). В цитированном выше Пол-

ном церковно-славянском словаре «душевный» понимается как «имеющий душу животную, живой, дышащий; живущий под началом мира чувственного; происходящий от души, искренний; руководящийся в мышлении началами естественными...» (Полный церковно-славянский словарь, 1993, С. 160) Святитель Лука (Войно-Ясинецкий) в своих проповедях говорил: «Что значит слово «душевный»? Душу имеют и животные. Душа это совокупность всех наших впечатлений, всех внешних восприятий. Душу составляют наши мысли, желания, стремления. Все это есть и у животных... Если человек живет главным образом этими стремлениями, этими желаниями, а не стремлениями высшего порядка, он заслуживает названия человека душевного» (Или – чуть выше – «внешнего») (Лука, 2013, С. 27).

Тогда получается, что если вернуться к дихотомии (тело-душа), то научная психология «потеряла», точнее, вывела из рассмотрения, учета не целиком «душу», а лишь ее составляющую часть

(пусть, важнейшую – «внутреннюю»). Если же придерживаться тримерии, то «потерянными» оказываются «дух» и, соответственно, те связи, отношения, которые соединяют (или разъединяют, например, в случае аномалий) его с «душой» и «телом».

Можно констатировать, что «душа» обернулась для ученых «психикой», т.е. редуцированным (по отношению к «душе») пространством, из которого вычли метафизическое измерение и это, подчеркнем еще раз, было не злым умыслом или бессознательным порывом, но прямым условием (если хотите – платой) за вхождение в тогдашний круг естественных наук. Основатель отечественной научной психологии Г.И. Челпанов писал в 1888 году: «Хотя психология, как обыкновенно принято определять ее, и есть наука о душе, но мы можем приняться за изучение ее «без души»,

¹ Много раньше Андрей Белый так описал однажды свое состояние во время тяжелой болезни: «Я наблюдал: психология оплотнела во мне в физиологию» (Белый, 1934).

Борис Сергеевич Братусь – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Области научных исследований: клиническая психология, общая и прикладная психология личности, философские основы психологии. Автор более 180 печатных работ, в том числе 12 монографий. E-mail: kor-msu@mail.ru

те. без предположений о сущности, не-протяженности ее и можем держаться в этом примера исследователей в области физики (Челпанов, 1912, С. 9). Думается, что Г.И. Челпанов совсем не случайно в кавычки, чтобы показать относительность сказанного, условность, подразумевающую не вообще отрицание, но абстрагирование (только) от метафизической составляющей.

Психология была отделена от души, но отделена первоначально условно, как некоторое вынужденное условие для начала научной работы, для которой (как и во всякой науке) требовался идеальный, а не реальный объект – в данном случае душа без метафизических атрибутов непротяженности

Итак, психология была отделена от души, но отделена первоначально условно, как некоторое вынужденное условие для начала научной работы, для которой (как и во всякой науке) требовался идеальный, а не реальный объект – в данном случае душа без метафизических атрибутов непротяженности. Драма дальнейшего развития (не только психологии, но, в известной мере, науки в целом) состояла в том, что эта условность из временного допущения стала устойчивым (и в этом плане безусловным) постулатом. В результате вся психология начала строиться так, словно сокровенной души (тем более духа) и нет вовсе. Понятие «души» окончательно растворилось, исчезло из психологических трудов, ушло из научного лексикона и внимания.²

Таким образом, в основе сложившегося в психологии отношения к душе часто лежат ставшие привычными и потому не замечаемые терминологические неувязки, неучет неосознанного толкования души. Но, если надо убрать все варианты и нюансы, то и тогда останется, по крайней мере, принципиальная двойственность восприятия (вспомним образ у Ф.И. Тютчева, что душа «бьется на пороге как бы двойного бытия», что она «жилица двух миров»). Действительно, с одной стороны, она воспринимается как живое вместилище, орган разнообразных душевных

(столь близких, столь сливающихся с психологическими) проявлений. И это восприятие отнюдь не абстрактно и не отвлеченно. Всем (или, по крайней мере, многим) понятно на вполне чувственном, личном опыте, что имеется в виду, когда говорят – душа болит, страдает, помнит, забывает, ликует, поет, плачет, восстает, спит, просыпается, обретает покой (или, напротив, не находит ни где покоя), съживается, расправляет-

ся, рвется наружу, уходит внутрь (иногда даже точно указывается куда – как ни странно, «в пятки») и т.п. Она может быть сытой, довольной («ну, теперь твоя душевка довольна?»), голодной, мягкой, твердой, униженной, гордой, смиренной, высокой, низкой, серенькой, яркой. Ею можно любоваться, ее отвергать, презирать, раскрывать, ею можно овладеть, ее можно разбить, разорвать, в нее можно наплевать, влезть (обидно, когда грязными руками, да и когда кошки скребут – мало приятного).

Подумайте только – какое обширное поле столь многообразных оттенков, которые, тем не менее, составляют некую целостность, непосредственную отнесенность к тому живому и трепетному образованию, что веками обозначается как «душа» (именно «душа», ведь не «психика» же с радости воспаряет, а со страха холодеет или «уходит в пятки»)! Но речь в этом ракурсе идет пока, преимущественно, о мире внешней стороны души, ее явлениях, проявлениях, переплетениях. Есть однако и внутренняя скрытая, сокровенная сторона, рассматриваемая обычно метафизически, религиозно, духовно – как некая бессмертная (неуничтожимая) энергия и субстанция, которая может отпечатываться, проявляться в тех или иных внешних параметрах, но отнюдь к ним не сводима, равно как из них прямо не выводима. Это уже душа во втором

понимании.³ Следует особо подчеркнуть – это не две разные души, а разные аспекты, ипостаси, стороны (внешняя и внутренняя) единой души.

Исходя из этого принципиально важного различия, мы можем теперь по иному посмотреть на судьбу души в психологии. Оказывается тогда, что, несмотря на все громкие декларации, изгнание (неприятие) самого термина «душа» из психологии никогда не ушло полностью. В своем первом значении, например, под именем «переживания», «эмоций», «чувств», «состояний» и т.п., она всегда оставалась в поле внимания психологов. Возьмем только проблему переживаний в отечественной традиции: Л.С. Выготский не раз подчеркивал их важность, С.Л. Рубинштейн рассматривал переживание в качестве важнейшей способности личности, Ф.В. Бассин считал, что «значимые переживания» (значимые для личности) есть, собственно, основной предмет психологической науки, оригинальная трактовка переживаний дана Ф.Е. Василюком и др.

Иное дело душа – во втором понимании, в котором она была и будет оставаться вне досягания психологическими методами. Интересно, что необходимость такого разграничения применительно к научной психологии была отмечена еще в начале прошлого века. Об этом 23 марта 1914 года по старому стилю говорил епископ Анастасий на открытии первого в России (и одного из первых в мире) Психологического института, созданного при Московском университете. Тогда после торжественного молебна он обратился к присутствующим ученым (цвету тогдашнего научного сообщества), гостям, студентам с речью, в которой, в частности, были такие слова: «До последнего времени изучение душевной жизни производилось лишь при помощи самонаблюдений; но несколько десятилетий назад, человек измеривший моря и земли, исчисливший движение планет небесных, подошел к душе с мерою и числом. В Старом и Новом Свете при помощи хитрых ап-

паратом уже пытаются путем воздействия на тело, заставлять душу давать нужные им ответы, стремятся с точностью установить законы душевной жизни. И, конечно, возможно точное изучение душевных явлений, вообще говоря, можно только приветствовать. Но, стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода, в частности. Точному определению и измерению может поддаваться только лишь внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высокие проявления?... Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки» (Речи и приветствия ..., 1994, С. 2).

Психологи ни тогда, до революции, ни, тем более, после нее не вняли этому предостережению. Они не могли (по определению) исследовать внутреннюю сущность души «мерой и числом». Но они пошли другим и, как оказалось, не менее опасным путем – вовсе исключили душу (как предмет общего и смыслообразующего отнесения) из своего внимания, учета и рассмотрения.⁴ В результате психология как научная дисциплина началась, как мы уже знаем, с потери души, потери, оказавшейся отнюдь не последней на ее пути. Вспомним, сказанные не без доли иронии, слова из Британской энциклопедии 60-х годов прошлого столетия (научной психологии уже под девяносто лет): «Бедная, бедная психология – сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание, а теперь испытывает тревогу по поводу поведения».

Действительно, история научной психологии – это история утрат смыслообразующих категорий (или, точнее, их жертв) из которых первой и главной была душа. Психология, наверное, единственная наука, само рождение, весь арсенал и достижения которой связаны с доказательством, что то, ради чего она замышлялась – психе – душа челове-

ская не существует вовсе. Она была принесена в жертву определенным образом понимаемому научному мировоззрению, поскольку не умещалась в его прокрустово ложе. Метод стал самостоятельным, диктующим – каким должно быть предмету исследования, и поскольку душа (ее внутренняя сторона) не улавливалась этим способом, то она по-

Стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода, в частности. Точному определению и измерению может поддаваться только лишь внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело

просту целиком была вынесена за методологические скобки.

Если посмотреть на произошедшее в культурно-историческом плане, то оно иллюстрирует общий не только для психологии, но и всего нашего времени процесс «снижения вертикали бытия», последовательного вынесения за скобки вышележащих смыслозадаю-

По нашему мнению, психология, несмотря на то, что она вышла из недр философии, должна максимально от нее отдаляться и «дрейфовать» в сторону конкретных объективных наук

щих уровней и причин (Братусь, 2000). Из последних примеров – упование на развитие нейронаук, исследование мозговых механизмов, как будущего психологии. «Сейчас, – утверждает Г.Г. Аракелов, – когда главенствует эксперимент, фактология, многие существующие ранее мифы разрушаются или уже разрушены. Поэтому, по нашему мнению, психология, несмотря на то, что она вышла из недр философии, должна максимально от нее отдаляться и «дрейфовать» в сторону конкретных объективных наук

Явления и проекции стали восприниматься сами себя объясняющими, душа как исходное смысловое начало и жизненное отнесение ушла из психологических трудов, более того, стала тенью, вернее, тенью тени – продуктом явлений психики. Свет ее погас (в трудах по психологии, разумеется, а не в реальности) и эти сумерки стали привычной методологической действительностью нашей науки

Сам термин «психика» всегда вызывал и вызывает неоднозначную реакцию – от

полного его неприятия до желания заменить существительное «психика» на прилагательное «психическое» (что по мнению Дж. Фишбаху уменьшает эмоциональную напряженность при восприятии указанного существительного)... Нам кажется разумным отдать обсуждение психофизиологической проблемы и содержания термина «психика» на от-

куп философам. Тогда психолог не будет ограничен неопределенностью понятия «психика», а будет работать с конкретными психическими явлениями и состояниями, выявлять закономерности их протекания, изучать мозговые механизмы их возникновения» (Аракелов, 2012, С. 64-65).

Призыв «работать с конкретными

психическими явлениями» ничего кроме профессионального одобрения вызвать не может. Но принципиальное отделение явлений психики от каких-то общих представлений о психике как явления, видится уже крайним упрощением, редукционизмом, ведущим к снижению, уплощению вертикали бытия. Так, душа оказалась сведенной к психике, психика – к отдельным психическим явлениям, а они – к мозговым механизмам. Или – душа растворяется без остатка, поглощается психикой, а последняя –

ее явлениями и реализующими их мозговыми механизмами.

² Более того, одно упоминание о ней способно вызвать лишь раздражение и досаду у некоторых современных психологов. «Есть понятие, – рассуждает, например, М.Ю. Кондратьев, – которое я бы изъясил из многих психологических словарей, и которое не имеет отношения к психологической науке, да и к науке вообще. Для меня странно выглядят те психологические словари, где присутствует понятие «душа» (Кондратьев, 2005, С. 255). Но даже в упомянутых «странно выглядящих» психологических словарях, «душа» была нередко сведена к «психике», например, как, понятие отражающее исторически изменившееся воззрение на психику человека и животного» (Психология ..., 1990, С. 112).

³ Материалистическое сознание может дать и другое толкование второму пониманию души, например, нравственно-философское.

⁴ В качестве немногих исключений можно назвать родоначальника психофизиологии Фехнера, который декларировал свою теорию как установление «точной связи между телом и душой», но последняя бралась, прежде всего, в ее внешнем понимании, причем, упрощенном, что не выводило фехнеровские изыскания за грань тогдашней «физиологической психологии» (Гусев, 2007). Дальнейшие исследователи уже не ставили (вытесняли, отрицали, стеснялись) самой постановки возможной связи с душой и предпочитали говорить лишь о психике как таковой.

Л.Н. Толстой, критикуя науку, говорил, что она изучает тени вместо предметов, что ученые забыли предмет, тень которого изучают и, все более углубляясь, радуются, когда «тень сплошная». В нашем случае – явления и проекции стали восприниматься сами себя объясняющими, душа как исходное смысловое начало и жизненное отнесение ушла из психологических трудов, более того, стала тенью, вернее, тенью тени – продуктом явлений психики. Свет ее погас (в трудах по психологии, разумеется, а не в реальности) и эти сумерки стали привычной методологической действительностью нашей науки.

Редуцирование, затухание реальности души привело в психологии к целому ряду серьезных последствий. Возьмем, например, проблему нормы, нормального и аномального развития

Ставшая тенью тени душа перестает освящать психику и в этих потемках легко оступиться, спутать добро и зло, не заметить черты между ними, поскольку шаги в сторону того и другого могут осуществляться с помощью одних и тех же структур и способов функционирования психофизиологического и психологического аппарата

личности человек. Критерии нормы стали в основном относиться к психическому, психофизиологическому уровню, к механизмам функционирования, к адаптивности, приспособленности к окружению, к полноте удовлетворения потребностей и т.п. Образно говоря, главным стало признаваться – не куда человек стремится идти, а правильна ли хороша ли его походка. Не про что он думает, а эффективно ли работают мозговые процессы; не о чем помнит, а какое количество единиц информации обрабатывает и запоминает.

Разумеется (и это надо еще раз повторить), нельзя принижать базовой значимости функционирования всего сложнейшего и тончайшего аппарата психики и, соответственно, открытых учеными закономерностей и механизмов проявления памяти, внимания, восприятия, мышления, эмоций и т.д. Но, если в общепсихологическом плане ставить это во главу угла, рассматривать не как необходимое средство, а как саму по себе цель, то представле-

ние о психологии неизбежно редуцируется, теряет высшее измерение, возможность соотнесения с личностным, ценностно-смысловым уровнем и с душой в ее целостности, включающей и внутреннюю метафизическую сторону. Ставшая тенью тени душа перестает освящать психику и в этих потемках легко оступиться, спутать добро и зло, не заметить черты между ними, поскольку шаги в сторону того и другого могут осуществляться с помощью одних и тех же структур и способов функционирования психофизиологического и психологического аппарата. И если эти структуры, способы, инструменты, формы эффективны, успешны, приносят удовлетворение, повышают самооценку, хорошо адаптируют к миру – то они могут быть признаны нормальными, позитивными, вне зависимости от того, как они соотносятся с метафизическими смыслами и ценностями, к пользе или вреду душе ведут осуществляемые с их помощью действия.

Тесно связана со сказанным и другая проблема – проблема личностного роста, личностного потенциала. Едва ли не любой разговор о психотерапии сворачивает на тему личностного роста, однако при этом не удается услышать сколь-нибудь вразумительного ответа на вопрос: куда личности надо расти, есть ли мерило этого роста. Напомним слова Л.Н. Толстого, что люди только делают вид, что воюют, торгуют, строят. Главное, что они делают всю жизнь – это решают нравственные вопросы. Именно в этом он видел «главное дело человечества».

Психологи вряд ли готовы с этим согласиться, поскольку нравственная сторона бытия принципиально удалена из их поля зрения. Более того, современная психология нередко занята развенчанием нравственных основ: любовь редуцируется к элементарным влечениям, муки совести – к инфантильным комплексам, вера трактуется как невроз, привязанность как навязчивость и т.п. На одном из семинаров в Германии меня поразило слово немецкого теолога. Он сказал,

что, когда к современному психотерапевту приходит пациент, то часто он – жертва неправильной ориентации общества, воспитания. Но после того, как он прошел стандартный курс психотерапии, он переходит на сторону своих «палачей», то есть, этих неправильных ориентаций и сам начинает калечить других своими воззрениями и действиями. Иными словами, поддерживается порядок перевернутый, обратный тому, о котором говорил Толстой, где главное – стройка, война, торговля. А расплата одна – искалеченные, несостоявшиеся, увиденные во мрак человеческие судьбы (и, просится добавить, души). И никакая стремительно растущая армия психологов и психотерапевтов не спасет, пока она (вольно или не вольно) будет служить перевернутому в нравственном отношении миру.

Рассмотрим едва ли не главное следствие редуцирования метафизической реальности – нарастающую угрозу утраты единства самой психологической науки. В упомянутый выше торжественный день открытия первого в России Психологического института при Московском университете, об угрозе этому единству говорил основатель и первый директор этого института профессор Г.И. Челпанов: «Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое единство. Ей грозит распад... Нужно принять меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать Институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии. Тогда общая психология и ее основные принципы будут иметь руководящее значение для всех возможных видов психологического исследования: для психологии детского возраста, зоопсихологии и др. Благодаря общей психологии, они будут объединены» (Речи и приветствия..., 1994, С. 4).

Г.И. Челпанов считал, что психологию соберет воедино особый ее раздел – общая психология, которую он понимал достаточно широко, говоря о ней через запятую как об «общей, теоретической, философской психологии». Из этой триады именно общую психологию (механизмы, правила, законы) можно считать вполне состоявшейся и постоянно пополняемой, теоретическая

отмечена куда меньшим количеством (и качеством) исследований, а философская психология оказалась и вовсе в забвении (хотя, как подчеркивал Челпанов, «конечные ключи от психологии лежат в философии»). Спустя 15-20 лет о важности общей психологии как скрепляющем моменте говорил Л.С. Выготский. При этом он апеллировал еще и к философии, обозначая общую психологию (ее суть, идеал) как «философию практики». Наконец, спустя 60 лет, третий выдающийся отечественный психолог – А.Н. Леонтьев говорил о том же: психология рассыпается, распадается, она растет, как он любил повторять на лекциях, «не в ствол, а в куст», она переполнена отдельными фактами и даже их прочными соединениями (строительными блоками), но нет единого здания, даже эскиза его. В своей Президентской речи на открытии XVIII Международного психологического конгресса в Москве в 1966 г. он сравнил современную ему психологию с Приамом сидящим на развалинах Трои. Что касается философского начала, то оно в советский период было (неизбежно) отодвинуто, редуцировано до обязательного для всех марксизма-ленинизма.

Разделим две стороны: диагноз – распыление психологии, ее кустообразное развитие и лечение – создание скрепляющей, объединяющей разрозненное общей психологии. Диагноз очевиден – сегодня, как и во времена Челпанова, Выготского, Леонтьева (точнее, в куда большей, чем при них, степени), психология представляет конгломерат феноменов, фактов, школ, направлений, часто почти никак друг с другом не связанных. Предлагаемое корифеями лечение несомненно полезно и необходимо, но отнюдь не достаточно – перманентный его провал, постоянное возвращение к одному и тому же положению (ставшему давно рутинным, привычным) вполне доказывают это.

Для поиска ошибки, вернее, недостающего в лечении звена, обратим внимание на забытую тенденцию, связанную с ролью философии психологии как высшего, замыкающего (созидающего купол) уровня общепсихологического подхода (Братусь, 2003). Челпанов был прав – «конечные ключи от психологии лежат в философии», прав и Выготский, видя предельную задачу общей психо-

логии в том, чтобы стать «философией практики». Психология в дальнейшем не воспользовалась в полноте этим направлением, свернув к добыванию бесконечного конгломерата фактов, описаний, коррелятивных связей, редко поднимающихся над эмпирией обобщений и, в крайнем случае, к объяснительным редуцициям (картинкам и графикам) нейронаук. А.В. Петровский в свое время назвал подобное коллекционным подходом (где важен все новый экспонат, а не общее значение и смысл собираемого). Или (если вернуться к Толстому) исследователи радовались, что тень (уже

Сегодня, как и во времена Челпанова, Выготского, Леонтьева (точнее, в куда большей, чем при них, степени), психология представляет конгломерат феноменов, фактов, школ, направлений, часто почти никак друг с другом не связанных

двойная: от души на психику и от психики на ее явления, а если учесть нейроувлечения, то и тройная – на мозговое обеспечение этих явлений) становится все более сплошной, густой, систематизированной, материализованной.

Основания возможного единства могут быть обретены (рискнем добавить – только) через связь с иными, более высокими, нежели сама психология, отнесениями. Разумеется, уже исходные

Психология как наука обращена к протяженному и измеряемому, к движению субъекта по горизонтали времени и жизни. Осмысление же вертикальной устремленности к вневременному и непротяженному относимо уже к философскому и религиозному подходам

уровни общепсихологического анализа (механизмы и теории) выше (общее) его отдельных частей и направлений (Братусь, 2003), которые, как и во времена Челпанова, «совершенно друг с другом не связаны». Но эти исходные уровни не могли до сих пор соединить, дать образ (абрис) целого и наука наша остается недостроенной вавилонской башней, застигнутой смещением языков. Причина этого заключается в том, что скрепляющее начало находится не в самой психологии, поэтому оно обретается не в тонком и совершенном экспериментальном исследовании и анализе. Оно может быть обретено через философию психологии (не «снизу», а «сверху»), перед которой в числе первостепенных станет вопрос об отношении к представлениям о душе, ее внешней

и внутренней сторонам. Камень, отвергнутый строителями психологии, должен лечь во главу угла.

Многие проявления внешней стороны души никогда не уходили из области внимания и исследования психологии, а просто были переименованы и, что главное, рассматривались вне связи с той реальностью, которая называется душой, а не психикой. Казалось бы, нет препятствий к возвращению этой

стороны души. Препоны вызваны тем, что ее внешняя сторона необходимо подразумевает внутреннюю. Бытие души не есть бытие, расколотое на две независимых части. Поэтому, отделяя в исследовательских целях одну от другой, мы должны отдавать себе отчет, что совершаем некоторую редуцицию, упрощение и только постоянное (часто драматическое или трагическое) взаимодействие сторон есть условие целостности души.

Ясно при этом, что психология как наука обращена к протяженному и измеряемому, к движению субъекта по горизонтали времени и жизни. Осмысление же вертикальной устремленности к вневременному и непротяженному относимо уже к философскому и религиозному подходам. Возникает вопрос – насколько в окружающей нас жизни возможно реальное соотнесение столь разных плоскостей: незримых духовных, лежащих вне времени, протяжения и даже самого субъекта, и всего зримого, временного, конечного, протяженного, измеряемого нами?

Это антиномическое сопряжение при всей его сложности, вернее невозможности, не просто необходимо, но неизбежно, неминуемо в феномене человеческой культуры. Уходит из жизни

конкретный ученый, но не наука. Любящий, но не любовь. Поэт, но не поэзия. Друг, а не дружба. Мы скорбим неуверенно («плачем и рыдаем») по другу, по любимому или любимой, для нас бывшими единственными, и нас на этой земле навсегда оставившими. Но дружба и любовь – понятия вертикальной отнесенности – духовно-нравственные (материалист может поправить –

Речь идет не о принижении (задвигании) «психического», а лишь о попытке понять его роль как уникального инструмента человеческой жизни. Методологически крайне важно не путать его функции и возможности с производимой (задуманной) мелодией и ее исполнителем

культурно-нравственные), а значит, они уже неприходящие, остающиеся с нами (и после нас). Мы «плачем и рыдаем» в скорби не о них, напротив, они в тот момент проявляются, утверждают, подчас с особой силой, переходя из смутной слитности и растворенности в бытийной суете в раздельное и ясное присутствие. Они, словно выйдут из тени, впервые, может быть субъективно, предстают не как отвлеченные умозрения или назидательная пропись, а как озарение, переживание, проживание, свидетельство реальности неизменного и вечного. И пусть это драгоценное, так дорого давшееся знание нас уже не покинет, не затмится «шумом и яростью» повседневности, а останется тем памятованием, которое будет укреплять и возвышать отныне наше понимание жизни, а значит и саму нашу жизнь ее смыслом и значением.

На данном примере можно лишней раз показать разность плоскостей «душевного» и «психического», «духовного» и «личностного». «Душевыми», как уже говорилось, обычно называют проявления внешней стороны души, настолько тесно связанной с психикой, что понятия «психического» и «душевного» нередко не различаются, становясь чуть ли не синонимичными (напомним – психическая или душевная травма, психическое или душевное заболевание и т.п.). Однако при внимательном рассмотрении нельзя не заметить ряд специфических оттенков и определенную смысловую дистанцию терминов. Это связано, прежде всего,

с обсуждавшийся выше коллизией «предмета» и его «проекции». Характеристики «душевного», конечно, подразумевают конкретные психологические параметры, но они не сводимы, не растворимы в них до конца. Для «душевного» «психическое» – это возможность найти конфигурацию (партитуру) параметров и свойств для своего адекватного выражения.

Подобные связи обоюдны (вплоть до иллюзии слияния, которая появилась отнюдь не случайно). Напомним теорию эмоций Джеймса-Ланге, суть которой огрубленно можно свести к парадоксам типа – «мы плачем не потому, что нам грустно, а нам грустно, потому что мы плачем» или – «мы смеемся не потому, что нам весело, а нам весело, потому что мы смеемся» (Вилонас, 2004). Хорошо известно, что принятие так называемой «позы аффекта», например, опущенные плечи, поддерживаемая руками голова, тяжкие вздохи и т.п. способно через некоторое время навевать уныние, равно как расправленные плечи, придание взгляду бодрости, а фигуре подтянутости, будучи даже искусственно предпринятыми, могут привести к улучшению самочувствия и настроения.⁵ Но при всей важности этих открытий, мы ведем все же речь о прочно закрепляемых вторичных связях, играющих весомую роль (в том числе, весьма положительную), но в случаях не различия могущих привести к искаженному пониманию исходного порядка. Тогда тень наливает, подменяет, замещает предмет, как бы становится им и некому уже (изнутри или снаружи), как в сказке Евгения Шварца, властно сказать: «Тень знай свое место!»

Еще раз отметим: речь идет не о принижении (задвигании) «психического», а лишь о попытке понять его роль как уникального инструмента человеческой жизни. Методологически крайне важно не путать его функции и возможности с производимой (задуманной) мелодией

и ее исполнителем. Когда мы слышим звуки и переливы определенного тона, то говорим, например, что это флейта. Но флейта – не звук и, тем более, не музыка, способная вызвать радость или печаль, а трубочка с дырочками, настроенная, готовая к игре или не готовая, расстроенная, сломанная. Так и с «психическим» – не оно страдает и радуется, но душа человеческая, осознающая, чувствующая, переживающая, узнающая и передающая это посредством тончайшего, данного природой и культурой (для верующего – Богом) инструмента, степени его готовности и настройки.

«Духовное» связано преимущественно с внутренней стороной души (диада «тело – душа», опосредствованная «психикой») или выносимо в отдельную инстанцию и пространство и тогда «душе» (пониманию души) остается преимущественно внешняя, чувственная сторона. Напомним еще раз, что писал Владимир Даль о значении слова «дух»: «Относятся слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум или волю, или же стремление к небесному» (Даль, 1995, С. 503). Мы знаем также, что «духовное» понимается многими не только религиозно, но и светски, например, философско-нравственно. В любом случае речь идет о предельных категориях, несущих ценность уже в самих себе, о том уровне, который смыслообразует, смыслопорождает остальные.

Если продолжать вышеприведенную коллизию жизненной потери, то душа скорбит безутешно по ушедшему навсегда любимому человеку, она, как говорят, «разрывается». Рвется от горя «душевные струны» (всех психологических и психофизиологических инструментов скорбящего), тогда как «дух», «духовное», пройдя сквозь скорбь и смуту, призваны укорениться в незыблемом и постоянном, в реальности всегдашнего присутствия и действия неустранимой (даже фактом смерти) любви, что пребывает неизбежно и целю в неведомых нам, но всегда чаемых, всегда нами как-то представляемых «небесах» (причем, субъективно помещаемых часто не снаружи – в высоте и холоде космоса, а

где-то теплящихся внутри нас же самих). Здесь, как нигде, мы не просто умственно и отвлеченно, а всем существом проходим, переживаем, являем собой антиномии человеческого бытия – одновременно «да» и «нет», возвышенного и земного. «От скорби по умершим, – констатирует священник Александр Ельчанинов, – не защитит нас ни естественная наша привязанность к жизни, ни мужество перенесения страданий, ни житейская мудрость, ни даже вера, как бы не была она велика». Одновременно «смерть близких – опытное подтверждение нашей веры в бесконечность. Любовь к ушедшему – утверждение бытия другого мира. Мы вместе с умирающим доходим до границы двух миров – призрачного и реального: смерть доказывает нам реальность того, что мы считали призрачным и прозрачность того, что считаем реальным» (Ельчанинов, 2013, С. 50-51).

Если «душевное» и «психическое» инструментально тесно связаны, можно ли же сказать о «духовном» и «психическом»? Правомерно ли вообще рассуждать о выражении «духовного» через инструменты «психического» и не пребывает ли «духовное» сугубо бесплотно, не нуждаясь в «психологических» (в том числе «личностных») медиациях?

Начнем ответы со светского понимания «духовного», к которому обычно относят высшие (не материальные) человеческие потребности и ценности (их так и называют – «духовными») и соответствующую активность, направленную на эти потребности и ценности, такие как познание, истина, любовь, благо, творчество и др. Очевидно, что при этом подразумеваемым условием осуществления области «духовного» остается взаимодействие всех уровней психологического функционирования. Однако место, иерархия, соотносении этих уровней иное, чем при взаимодействии с областью «душевного». Если собственно «психическое» и область его «оплотнения» – «психофизиологическое» являются главными инструментами осуществления («озвучивания», «очувствования» и т.п.) внешней стороны души – «душевного», то ведущим, стержневым, опор-

ным по отношению к духовным потребностям и ценностям становится «личностное», как особое образование и инстанция (уровень) психологического аппарата. Если «психическое» (упрощенно и достаточно условно) – рабочий инструмент каждодневной (каждосекундной) адаптации, реагирования, ориентировочной деятельности в непосредственном окружении, то «личностное» в конечном итоге – арсенал выбора, ориентации, сличения, обнаружения расхождений, контроль и оценка следования духовно-нравственным смысловым пространствам и установлениям.

Острейшей проблемой в психологии остается поиск путей преодоления функционализма, разделения на отдельные процессы и области (на что сетовал еще Челпанов в начале прошлого века). Выработка ряда методологических положений была, среди прочего, направлена против подобного разделения

Заметим еще раз, что речь здесь идет именно об инструментах, органах («функциональных органах») осуществления, воплощения, выражения. Ведь мыслит не мышление, страдают, скорбят и радуются не психологические функции, механизмы и процессы, а человек, наделенный душой и духом, как высшими формами отнесенности к миру, людям и себе (для верующего, в первую очередь, к Богу). Мы видели выше, как психология абстрагировалась от этой онтологической отнесенности – сначала ради частоты научного метода (как вынужденное условие), но затем вытеснив, забыв о принятой условности, стала постепенно рассматривать тень как самый предмет, наделяя психику не присущими ей свойствами и полномочиями. Пока речь шла о непосредственных механизмах ощущений или внимания (например, «физиологическая психология» начала прошлого века), элиминирование души могло быть не столь заметным и казалось лишь необходимой минимальной платой за научную точность. Но со временем, когда центр интереса все более очевидно стал смещаться в область «личностного», расхождение между реальностями «души» и «психики», «личности» и «духа» становится все более разительным и требует, в частности, все больших ухищрений и защиты, чтобы стать вовсе не замечаемыми, маскируемыми. В результате чего, не только «психика», но и «личность», лишённые

высшей отнесенности, оказались перевернутыми на полное, если можно так сказать, самообслуживание (саморазвитие, самоактуализация, самотрансцендирование и т.п.), вне (вопреки, вопреки) всякой смысловой животворящей связи с пространствами «душевного» и «духовного».

Между тем, острейшей проблемой в психологии остается поиск путей преодоления функционализма, разделения на отдельные процессы и области (на что сетовал еще Челпанов в начале прошлого века). Выработка ряда методологических положений была, среди

прочего, направлена против подобного разделения. Например, принцип «единства аффекта и интеллекта», провозглашенный в школе Выготского. Призывы к осуществлению подобных принципов могли бы стать приглашением к возвращению категории души (по крайней мере, ее внешней стороны). Однако это не могло быть реализовано в годы советской власти. Но и на западе, в иных культурно-исторических условиях развития науки, душа оказалась методологическим изгоем – неприкасаемым и не называемым. Гордон Олпорт, например, констатировал, что между двумя мировыми войнами понятия души практически исчезло из психологии (Олпорт, 2002). Поэтому совершенно отдельное место заняла концепция логотерапии и экзистенциальной психологии Виктора Франкла, появившаяся после (можно сказать, что во многом вследствие трагедии) второй мировой войны (в продвижении этой концепции в Америку особую роль сыграл тот же Олпорт, что способствовало ее распространению в мире). «Духовное», «душа» занимают в этой концепции особое место, во многом определяя понимание единства человеческого поведения.

Это единство не следует понимать как слияние уровней вплоть до возможности их подмены в восприятии (хотя топор, по видимости, слит с рукой опытного плотника, но остается лишь инструментом, животворимым масте-

ром). Тем более это касается таких иерархически разных образований, как «личность» и «дух». Личность при всей сложности, многоплановости и высоте, в психологическом плане – форма уложения и осуществления, видимая, явленная ипостась невидимого духа.

рую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор 5:16). Со временем это подразумеваемое единство все более расторглось: «закон» погружался в дебри самих по себе юридических хитросплетений, сиюминутных интересов политики, государства, церкви, а «благодать» – в область

Настала необходимость (если не неизбежность) возвращения «души» и «духа» как фундаментальных категорий в научную психологию. Причем возвращение не надо мыслить как уступку, компромисс. Например, допущение лишь внешних проявлений души (реальное рассмотрение которых, как мы теперь знаем и не уходило из психологии), тогда как внутренние глубины следует оставить далеко за пределами профессионального интереса

Некоторой аналогией к сказанному может служить отношение «закона» (юридического, нравственного, богословского) и «благодати» (блага для человека). «Закон» в идеале должен быть не чем иным как «сосудом благодати» – формой ее так или иначе удерживающей, ее защищающей, обеспечивающей тот последний рубеж, нижнюю границу, что не даст благу уйти от человека, утечь, расплескаться впустую.⁶ «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь Бог твой», – таково предписание известного библейского закона, заповеди, но далее, через запятую следует название того блага, которое ограждает, защищает, несет в себе это предписание: «чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле, кото-

частной жизни, нравственных и религиозных подвигов и откровений. Но закон вне благодати – пустой сосуд, равно как психика вне души и личность вне духа.

Отсюда следует, что настала необходимость (если не неизбежность) возвращения «души» и «духа» как фундаментальных категорий в научную психологию. Причем возвращение не надо мыслить как уступку, компромисс. Например, допущение лишь внешних проявлений души (реальное рассмотрение которых, как мы теперь знаем и не уходило из психологии), тогда как внутренние глубины следует оставить далеко за пределами профессионального интереса. Психология, желающая представлять собой нечто большее, чем инструкция по устройству, применению

и починке психологического аппарата, большее, чем «психология психики», словами В.И. Слободчикова, может через признание и опыты соотношения с метафизической внутренней стороной обрести опору, почву и контекст своего особого неповторимого служения в познании человека и мира.

Если внешняя сторона души может быть правомерным предметом непосредственного исследования, то сторона внутренняя – только предметом метафизического опосредствования, соотношения, нахождения (и исхождения) предельных форм смыслообразования. Возвращение души потребует возобновления диалога психологии с философией, их новой встречи после более чем столетия развития врозь. Хочется верить, что время разбрасывания камней миновало и настала пора их собирать. Тогда едва ли не главной задачей становится возвращение научной психологии души и душе – научной психологии.

Эта задача – не только теоретическая, мировоззренческая, но и сугубо практическая, прямо обращенная к человеку, в частности, ко всем видам психологической помощи ему. Особенно это важно сейчас, в условиях распада связи времен, засилья бездушных манипуляций и технологий, погони за материальными благами, ибо давно сказано – какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Литература:

- Аракелов Г.Г. Будущее российской психологии – в развитии нейронаук / Г.Г. Аракелов // Национальный психологический журнал. – 2012. – № 2.
- Белый А. Между двух революций / А. Белый. – Ленинград, 1934.
- Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология / Б.С. Братусь. – Москва, 2000.
- Братусь Б.С. Общая психология: метафизический и прагматический смыслы / Б.С. Братусь // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 2.
- Вилюнас В. Психология эмоций / В. Вилюнас. – Санкт-Петербург: Питер, 2004.
- Гусев А.Н. Ощущение и восприятие // Общая психология. В 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений. Т. 2 / под. ред. Б.С. Братуся. – Москва, 2007.
- Даль В. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1 / В. Даль. – Москва, 1995.
- Ельчанинов А. прот. Живой опыт сердца / прот. А. Ельчанинов. – Москва, 2013.
- Ждан А.Н. История психологии от античности до наших дней / А.Н. Ждан. – Москва, 2013.
- Зинченко В.П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. – Москва, 2011.
- Кондратьев М.Ю. Проникновение религиозного влияния в образовательный процесс / М.Ю. Кондратьев // Скепсис – 2005. – № 3-4.
- Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Двери сердца твоего / архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва, 2013.
- Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / Г. Олпорт. – Москва, 2002.
- Полный церковно-славянский словарь / сост. прот. Г. Дьяченко. – Москва, 1993.
- Психология: словарь. – Москва, 1990.

⁶ Если говорить о юстиции, то речь о нижней границе справедливости («юстиция» по латыни и есть «справедливость»). Юридические законы, – по мысли В.С. Соловьева, – нужны не для того, чтобы на земле осуществить рай, а для того, чтобы на ней не наступил ад.

- Речи и приветствия в честь открытия психологического института им. Л.Г. Шукиной: Репринтное издание. – Москва, 1994.
- Слободчиков В.И. Христианская психология в системе психологического знания // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 3.
- Франк С.Л. Предмет знания. Душа человеческая / С.Л. Франк. – Санкт-Петербург, 1995.
- Челпанов Г.И. Психология и школа: сборник статей / Г.И. Челпанов. – Москва, 1912.

References:

- Allport, G. (2002) Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy [Becoming the Person: selected works]. Moscow.
- Arakelov, G.G. (2012) Budushhee rossiyskoy psikhologii – v razvitii neyronauk [The future of Russian psychology – in the development of neuroscience] Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]. 2.
- Belyy, A. (1934) Mezhdvuh revolyucij [Between Two Revolutions]. Leningrad.
- Bratus', B.S. (2000) Russkaja, sovet'skaja, rossiyskaja psikhologiya [Russian, Soviet, Russian psychology]. Moscow.
- Bratus', B.S. (2003) Obshhaya psikhologiya: metafizicheskiy i pragmaticheskiy smysly [General Psychology: metaphysical and pragmatic meanings]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. Vol. 24, 2.
- Chelpanov, G.I. (1912) Psikhologiya i shkola: sbornik statey [Psychology and School: collection of papers]. Moscow.
- Dahl, B. (1995) Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Vol. 1. Moscow.
- Elchaninov, A. Archpriest (2013) Zhivoy opyt serdtsa [Living experience of a heart]. Moscow.
- Frank, S.L. (1995) Predmet znaniya. Dusha chelovecheskaya [The subject of knowledge. The human soul]. St. Petersburg.
- Gusev, A.N. (2007) Oshchushhenie i vospriyatie [Sensation and perception]. [General Psychology]. In 7 vol. Textbook for students of higher education. Vol. 2. Ed. Bratus, B.S. Moscow.
- Kondratiev, M.Y. (2005) Proniknovenie religioznogo vliyaniya v obrazovatel'nyy process [Penetration of religious influence in the educational process]. Skepsis [Sepsis]. 3-4.
- Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop (2013) Dveri serdtsa tvoego [The doors of your heart]. Moscow.
- (1993) Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' [Full-Church Slavic Dictionary]. Composed by Archpriest Dyachenko, G. Moscow.
- (1990) Psikhologiya: slovar' [Psychology: Dictionary]. Moscow.
- (1994) Rechi i privetstviya v chest' otkrytiya psikhologicheskogo instituta im. L.G. Shchukinoy [Speeches and greetings in honour of the opening of Schukina Institute of Psychology]. Reprint. Moscow.
- Slobodchikov, V.I. (2007) Khristianskaya psikhologiya v sisteme psikhologicheskogo znaniya [Christian psychology in the system of psychological knowledge]. Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal [Moscow psychotherapeutic journal]. 3.
- Vilyunas, V. (2004) Psikhologiya emotsiy [Psychology of emotions]. St. Petersburg, Piter.
- Zhdan, A.N. (2013) Istoriya psikhologii ot antichnosti do nashikh dnei [History of psychology from antiquity to the present day]. Moscow.
- Zinchenko, V.P. (2011) Petr Yakovlevich Gal'perin: ot deystviya s zadannymi svoystvami k svobodnoy mysli [Peter Ya. Galperin: from actions with given properties to free thought]. Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge. The 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko]. Moscow.